

«В Федоре Михайловиче, – пишет Врангель об отношении к нему будущей жены, – она приняла горячее участие, приласкала его, не думаю, чтобы глубоко оценила его, скорее пожалела несчастного, забитого судьбою человека». Мемуарист полагает, что это чувство сострадания Достоевский «принял за взаимную любовь».

Однако и сам Достоевский в своем единственно сохранившемся письме к М.Д. Исаевой от 4 июня 1854 г. подчеркивает именно это обстоятельство: «Одно то, что женщина протянула мне руку, уже было целой эпохой в моей жизни». Он именует ее родною сестрой и всячески восхваляет ее высокие качества («удивительная женщина, сердце удивительной младенческой доброты» и т.д.). Не следует удивляться тому, что интимный мотив старательно приглушен в этом дышащем сдерживаемой страстью послании. Достоевский адресует к замужней даме, чей супруг является потенциальным и, как ни странно, доброжелательным читателем их переписки. Поэтому автор письма старается соблюсти верную тональность. «Я не мог не привязаться к Вашему дому...»: как раз *дом* интересует его в последнюю очередь.

Врангель замечает, что Мария Дмитриевна, «возможно», тоже привязалась к Достоевскому, «но, – решительно добавляет он, – влюблена в него ничуть не была».

Некоторые признаки указывают, однако, что высокая степень близости между будущими супругами была достигнута еще до отъезда Марии Дмитриевны в мае 1855 г. в Кузнецк, куда получил назначение А.И. Исаев.

Описывая «сцену расставания» («Достоевский рыдал навзрыд, как ребенок»), Врангель скромно добавляет, что «желая доставить Достоевскому возможность на прощание поворковать с Марией Дмитриевной», он, Врангель, «накатал шампанским ее муженька». После чего перетащил спящего, как убитый, Исаева в свой экипаж; Достоевский в свою очередь перебрался к отъезжающей. Чем не сюжет для куртуазного – с переодеваниями – романа?

«Eheu» – отметит он вынужденную разлуку.

Через год, мучимый ревностью, он напишет Врангелю: «О, друг мой! Мне ли оставить ее или другому отдать, ведь я на нее имею *права*, слышите *права!*». Конечно, источники этих прав могут быть весьма широкого, в том числе чисто морального, свойства. Однако недаром Достоевский подчеркивает ключевые слова – в письме к человеку, который знал все. Но ревность его относится уже не к мужу.

А.И. Исаев скончается через два месяца после переезда в Кузнецк, в возрасте тридцати трех лет. Достоевский будет искренне сожалеть о его печальной судьбе («Eheu»). При этом он не может не понимать, что эта смерть способна коренным образом изменить его жизнь.

«Предусмотрительно она уже подыскивала себе второго супруга, – уличает Любовь Федоровна еще не овдовевшую М.Д. Исаеву. – Достоевский казался ей лучшей партией в городе: он был очень одаренным писателем, у него была в Москве богатая тетка, посылавшая ему теперь все чаще деньги».

Трудно сказать, чего в этих утверждениях больше – наивности или неправды. Одаренность Достоевского в забытом богом Семипалатинске мало кого волновала. Тем более что у него пока нет позволения печататься. Что касается «богатой тетки», то Куманины если и помогают, то в очень скромных размерах (крупную сумму они жертвуют только на свадьбу). Несмотря на материальную поддержку старшего брата – тоже довольно умеренную, – Достоевский испытывает хроническое безденежье. Он даже занимает деньги у Врангеля, чтобы послать их в Кузнецк оставшейся после смерти мужа без каких-либо средств М.Д. Исаевой.

И, наконец, самое главное. «Выгодный жених» все еще остается ссыльным солдатом, человеком, лишенным дворянства, изгоем. Будущее его более чем неопределенно. Конечно, смерть императора Николая Павло-